

CULTURE

Зоя Антипина, Анна Арустамова

Америка в творчестве и биографии В. Каменского

Василия Каменского традиционно рассматривают как уральского поэта, «певца Перми и Камы», и как поэта-футуриста, соратника Д. Бурлюка и В. Маяковского, чье творчество претерпело значительные изменения в советскую эпоху. Между тем оно интересно и другой своей гранью — всеобъемлющей открытостью, особым восприятием и изображением пространства. Красоты Урала и Крыма в произведениях поэта соседствуют с экзотикой Ирана и Турции, культурные традиции Европы — с техническим прогрессом США. Особняком в этом ряду следует назвать американский континент, посетить который страстному путешественнику Каменскому не удалось. Америка стала не только темой в творчестве поэта, но и одной из проблем в его творческой биографии.

Связанные с заокеанской страной образы, мотивы и аллюзии появляются в произведениях поэта 1910-х годов и присутствуют на протяжении следующих двух десятилетий, по крайней мере, до середины 1930-х годов — как в опубликованных (автобиографические повествования «Его-моя биография великого футуриста», «Путь энтузиаста», роман «27 приключений Хорта Джойса», стихотворения и поэмы 1920—1930-х гг.), так и неопубликованных текстах (пьеса «Американская буффонада»). В них поэт не только следует устоявшимся традициям изображения северо-американского континента, воспроизводит мифологемы, связанные с восприятием Америки русской культурой, но и чутко реагирует на новые

тенденции, появляющиеся в современной ему литературе и культуре.

Круг российского детского чтения XIX — начала XX вв., в который входили американские писатели (Фенимор Купер, Томас Майн Рид и др. авторы), а также детские игры «в разбойников» или «в индейцев» стали первым источником американской темы в творчестве Каменского. Его стремление к новому, способность увлекаться разнообразными новыми идеями, страсть к приключениям заставляли еще в детстве обращаться к набору ролей, выработанному народной культурой и литературой для детей, примерять их на себя. «То он — Стенька Разин, жгущий костры в Жигулевских горах на вольной дороге — или вдруг — храбрый путешественник Майн Рида в тропической Мексике, то он — тихий рыболов на Каме, живущий в избушке, или — знаменитый поэт <...> Он придумывает: буду еще и Робинзоном Крузо, и Жар-птицей, и Индейцем, и Дон Кихотом, и Лесным, и Капитаном корабля, и Бродягой»; «быть всеми, пройти все пути лучшей жизни, все пережить, всех понять, полюбить и стать навеки Поэтом — вот ответ»¹, — так вспоминает о своих детских мечтаниях Каменский в автобиографической «Его-моей биографии». Из детской же литературы в поэме «1905-й» вырастает мотив побега к индейцам и имя Майн Рида. Лирический герой, рассказывая о своей юности на Урале, на станции горноуральской дороги, восклицает: «Я собирался к индейцам На реку Миссисипи, Туда, К краснокожим. Юный надеется Быть непохожим На взрослых почтенных...»². Быть исключительным — мечта будущего поэта-футуриста. Однако в поэме, написанной уже в советское время, переход от детства к взрослению связан не с детской мечтой о приключениях, а с реальной борьбой за новый мир. Не случайно появляется, рождая ряд ассоциаций мифологического характера, эпизод своего рода инициации героя, его приобщения к революционной борьбе. «Первого

---

¹ Каменский В. В. Его-моя биография великого футуриста. М., 1918. С. 60.

² Каменский В. В. 1905-й // Каменский В. В. Уральские поэмы. Свердловск, 1935. С. 83.

мая 1905 года Группа рабочих Железнодорожников и девиц Отправилась в лес слушать весенних птиц. И я туда влез»³. Романтика приключений сменяется романтикой революционной борьбы, что выражает изменение авторской стратегии писателя, прилаживающего свою литературную деятельность к изменившейся после 1917 г. социокультурной ситуации⁴.

Один из ключевых «американских» образов русской культуры XIX в. — Христофора Колумба — входит в лирику Каменского в 1910-е гг. В программном стихотворении футуристского периода «Василий Каменский — живой памятник» (другое название «Иронический памятник») поэт называет себя «одиноким Колумбом». «Смешной одинокий Колумб» появляется в стихотворении «В Дельфине»⁵. В автобиографической книге «Путь энтузиаста» Колумб назван в перечне детских кумиров героя: «Это Кама — у ночного костра за чайником — рассказывала мне, начинающему смешному рыбаку, удивительную повесть о том, что Пушкин и Колумб, Гоголь и Эдисон, Некрасов и Гарибальди в свое время были такими же, как я, мальчиками, но выросли, много учились, много знали, много работали, много боролись и вот сумели стать великими»⁶. С образом Колумба связано осознание Каменским своего пути в литературе как поэтической «карьеры». Начиная с первой трети XIX в., образ Колумба в русской культуре несет в себе два важнейших смысла — верность идее, идеалу, стойкость в его достижении и непризнанность, в том числе на родине, одиночество, бедствия и гонения. Обращаясь к образу мореплавателя, Каменский воспроизводит обе эти смысловые коннотации. Для него Колумб прежде всего первооткрыватель. Именно потому с ним сравниваются и сам поэт, и его друзья по цеху — футуристы: «Эй Колумбы — Друзья — От-

---

³ Там же. С. 85.

⁴ Подробнее об этом: Антипина З. С. Василий Каменский: основы формирования литературной репутации // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение» — Майкоп: Изд-во АГУ, 2009. — Вып. 4. — С. 18—22.

⁵ Каменский В. В. Звучаль веснеянки. М.: Китоврас, 1918. С. 73.

⁶ Каменский В. В. Пусть энтузиаста. М.: Федерация, 1931. С.30.

крыватели»⁷ — обращается к ним Каменский. Футуризм как прокладывание новых дорог в искусстве, пафос обновления и постоянного поиска, строения новой жизни сопрягается для поэта с обликом Колумба.

Поэт актуализирует и второй смысл, выработанный русской культурой в связи с образом Колумба. Каменский обостряет, во-первых, конфликт между поэтом-футуристом и культурной традицией и, во-вторых, конфликт между собой как прогрессивным «поэтом-авиатором» и малой родиной — консервативной провинцией⁸. Пермь, где вырос Каменский, не оценила культуртрегерских амбиций поэта — устроенные им в городе лекции о современной поэзии, выставка современной живописи и полеты на аэроплане были встречены пермской публикой довольно насмешливо⁹. Благодаря авиаторскому опыту Каменского традиционное противопоставление толпы обывателей и поэта, одинокого гения, в его поэтическом мире оказалось реализованным в новом, пространственном, масштабе: «Часто видел внизу муравьиную кучу. И никому не было дела До футуриста-летчика... Разве нужна гениальность наживам — Бакалейно-коммерческим клубам. Вот почему перед вами Живым Я стою одиноким Колумбом»¹⁰. С Колумбом связан и мотив путешествия, который яв-

---

⁷ Каменский В. В. Карнавал Аэронц // Каменский В. В. Звучаль веснеянки. М.: Китоврас, 1918. С. 7.

⁸ См. об этом: Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. С. 138—201.

⁹ Каменский В. В. Его-моя биография великого футуриста. М., 1918. С. 108; В. Н. Критик // Народная свобода. 1917. 16 дек. С. 2; Пробные полеты В. В. Каменского // Пермские губернские ведомости. 1911. 24 июня. С. 3; «Авиационная» неделя // Пермский край. 1911. 26 июля. С. 3; Б. Д. Полет на крыльях больной фантазии // Пермские губернские ведомости. 1911. 18 дек. С. 3; И-н С. На лекции В. В. Каменского // Пермские губернские ведомости. 1913. 19 апр. С. 3; А. С. К лекции пермских футуристов // Пермские губернские ведомости. 1916. 10 июня. С. 3.

¹⁰ Каменский В. В. Василий Каменский — живой памятник // Каменский В. В. Звучаль веснеянки. М.: Китоврас, 1918. С. 23. Образ памятника в этом стихотворении Каменского можно интерпретировать как аллюзию на установленный в 1888 г. в Барселоне и известный своими размерами памятник Колумбу.

ляется одним из главных в художественной системе Каменского: «В экспрессе я иль в пароходе — Я неизменно в путешествии» («Моя карьера»)¹¹.

Произведением, собравшим воедино американские аллюзии и образы дореволюционного творчества Каменского, можно считать стихотворение «Кипиановская, 8», адресованное двоюродному брату Алексею Трущеву¹². Автор обращается к историческим и литературным персонажам, которые входят в микрокосм его поэзии, повторяясь в стихотворениях разных лет — индейцы, Майн Рид, Колумб, Дон Кихот, Робинзон Крузо¹³. Стихотворение «Кипиановская, 8» пронизано мотивом одиночества поэта, усиливающегося перед огромностью универсума: «Жутко на звезды смотреть: Вечность там — а я — на Кипиановской, 8. Алеша, береги нашу Каменку. Будто мне шесть лет. Оставили одного. Слушаю. Жду. Робинзон Крузо». И в то же время в тексте представлены духовно-мировоззренческие ориентиры поэта: принадлежность к родному гнезду, возвращение к непосредственности детского переживания мира и себя в мире. Не случайно повторяется мотив вслушивания в огромность мира («слушаю»). В финале стихотворения этот мотив дополняется другим: «Жду». В поэтическом космосе Каменского одиночество не абсолютно, в нем присутствует «другой», которого поэт «ожидает», чтобы вступить в диалог.

Новаторские аспекты репрезентации американской темы у Каменского связаны с особенным восприятием пространства. В стихотворении «Карнавал Аэронц» поэт утверждает: «Все равно на земле все разгадано. Весь исследован штат Иллинойс. Нам остались только крылья Авиаторского утра... Нам остались сердцевзрывные Перелетности вершин. Еще страны неоткрывные Пневматических сверхшин»¹⁴. Америка предстает здесь в традиционном ключе — как отдаленное

---

¹¹ Каменский В. В. Звучаль веснеянки. М.: Китоврас, 1918. С. 34—38.

¹² Алексей Григорьевич Трущев — двоюродный брат В. Каменского, помогал ему в строительстве и обустройстве хутора Каменка.

¹³ Каменский В. В. Кипиановская, 8 // Каменский В. В. Девушки босиком. Тифлис, 1917. С. 133—134.

пространство, предел земного познания, однако помещается в новую оппозицию: земля — небо. В стихотворении Каменского звучит противопоставление уже исследованной земли, на которой не осталось укромных уголков, куда бы ни проникла цивилизация, — и воздушных просторов, которые предстоит осваивать первопроходцам.

В понимании освоенного человеком пространства как выходящего за пределы земных континентов ключевую роль сыграл авиаторский опыт Каменского, уникальный по тому времени¹⁵. В его произведениях создается не умозрительное, а прочувствованное во время полета ощущение единства земли и неба, перспектива земли, увиденная с неба. В поэзии Каменского соединяется опыт земного путешествия и небесного. Тема пути неоднократно появлялась в произведениях поэта — он с юных лет очень много путешествовал как по России (Закавказье, Поволжье, Сочи, Крым, Дальний Восток, Мурманск), так по восточным странам (Иран, Турция) и Европе (Польша, Австрия, Германия, Англия, Франция, Италия). В этом смысле его биография и творчество вписываются в общую логику развития искусства начала XX в., испытывавшего особенный интерес к Западу и Востоку¹⁶. Однако двухгодичная авиаторская карьера (1910–1912) дала Каменскому исключительный опыт и позволила привнести в поэтическое творчество новое видение пространства — разные его точки соединяются там, где ранее осознавалась их отдаленность. В его стихотворениях появляется мотив «соединения мостов», проникновения в самые заповедные уголки планеты, бесконечного расширения и единства мира. И в этом — отличие Каменского от поэзии начала XX в. (Брюсов, Бальмонт, Гумилев и др.), часто обращавшейся к географической экзотике (включающей и Аме-

---

¹⁴ Каменский В. В. Карнавал Аэронц // Каменский В. В. Зучаль веснеянки. М., 1918. С. 8.

¹⁵ Желтова Е. Л. Культурные мифы вокруг авиации в России в первой трети XX в. // Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 4 (часть 2). М., 2007. С. 163–193.

¹⁶ Шахматова Е. В. Русское паломничество на Восток: XX век / Путешествие как феномен культуры. Спб., 2012. С. 213–236.

рику), как к принципиально иному. «Калькутта — Бомбей, Петроград и Венеция... Вена-Париж, Андижан и Туреция Перекинулись Стами устами Из крыльев мостами Стаи цветистые Птиц — Корабли»¹⁷ — в творчестве Каменского появляется другой угол видения мира, создается иная перспектива: мир становится не разделенным пространственно, а единым в своем разнообразии.

В советское время в стихотворениях и поэмах Каменского тема Америки связывается с социально-классовым противостоянием, США предстают, в русле газетной политической риторики, оплотом империализма. Имена магнатов Моргана и Форда активно используются в советской литературе 1920–30-х гг. и становятся знаковыми в создании картин американской жизни. Не является исключением и творчество Каменского, отвечавшего на требования времени и учитывавшего актуализирующиеся в советской литературе тенденции. Америка как страна капитала и угнетения рабочего класса появляется в его поэме 1932 г. «Каменка». В этом произведении присутствуют две лирические сюжетные линии — первая из них связана с выражением близости лирического героя к родной природе, к хутору Каменка, а вторая, идеологическая, утверждает превосходство СССР над империалистическим миром и радость быть гражданином советской страны. Подчеркивая превосходство социалистического государства, Каменский противопоставляет его — США. «Будь я богат, Не был бы — Поэтом, Рыбаком, Охотником И гражданином СССР... И главное, будь я — Морган, Меня бы снес Октябрьский Ураган. Моргал бы я В подвале. И так дале»¹⁸. Как отмечает В. В. Абашев, «все основные формулы автоидентификации [Каменского]... строились на локальных терминах. Василий Каменский постоянно манифестировал себя как поэта Урала и Камы».¹⁹ Однако в советскую эпоху «уралец» и «пермяк» уступает место «советскому человеку», Каменский все

---

¹⁷ Каменский В. В. Полет на аэроплане // Каменский В. В. Девушки босиком. Тифлис, 1917. С. 45.

¹⁸ Каменский В. В. Каменка // Каменский В. В. Сарынь на кичку. Стихи избранные. М.: Федерация, 1932. С. 106–107.

чаще позиционирует себя как гражданина Советской республики, и тут Америка выступает как полюс отталкивания. Мерилом «организованной бодрости бытия» в стихотворении становится американский небоскреб, знаковый для русской культуры образ: «Под этой деревенской крышей Живет Американских небоскребов выше Организованная бодрость бытия. Да, мы бедны — В библиотеке мыши, А все-таки Советской прекраснее страны... Нет на свете, нет!»²⁰.

Та же семантика американских образов и аллюзий присутствует и в неопубликованной пьесе «Американская буффонада» — произведении, в котором аккумулирован весь набор характерных для массовой литературы конца XIX — начала XX вв. знаков американской культуры — сыщики Картер и Пинкертоң, ковбой, темнокожие американцы, перуанцы, похитившие золото Америки. Коллизия в пьесе разрешается победой пролетариев в войне с Морганом благодаря химику, который изобрел лучи, превращающие золото в газ, и установлением по всему миру власти коммунистов.

Каменский, чуткий к популярным тенденциям и отличавшийся в этом смысле определенным литературным прагматизмом, соединяет в тексте образность массовой литературы с распространенным в литературе 1920-х гг. утопическим сюжетом: всемирной борьбы пролетариата с империализмом, последним оплотом которого являются США, и установления всемирной коммунистической республики (см., к примеру, С. Буданцев «Эскадрилья всемирной коммуны»). Воплощая американскую тему в пьесе, Каменский здесь использует стилизованные черты произведений о «красном Пинкретоне», своего рода ответа на литературную пинкертоновщину дореволюционного времени (например, роман М. Шагинян «Месс Менд, или Янки в Петрограде»).

«Американская буффонада» осталась неопубликованной, но в 1924 г. в свет вышли «27 приключений Хорта Джойса»,

---

¹⁹ Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. С. 142.

²⁰ Каменский В. В. Каменка // Каменский В. В. Сарынь на кичку. Стихи избранные. М.: Федерация, 1932. С. 105—106.

произведение, которое автор отнес к жанру романа. Место этого произведения в творчестве Каменского еще не определено должным образом, между тем оно включает в себя ключевые мотивы, образы и проблематику творчества поэта. Оно проникнуто пафосом страстной любви к жизни и в то же время переживанием ее неумолимой предопределенности. Авантюристность сюжета обеспечивается приключениями, переживаемыми Хортом Джойсом во время поисков пропавшей дочери Чукки. Перед читателем разворачивается многообразный пестрый мир, включающий в себя топографию России (Урала), Ирана, Индии, Австралии. В произведении присутствуют аллюзии и на Америку — Хорту помогает сыщик Джек Питч из Чикаго. И здесь же отчасти кроется ответ на вопрос, почему в произведениях Каменского чаще всего упоминается штат Иллинойс. Образ Джека Питча содержит отсылку к Натю Пинкертону, знаменитому персонажу детективных романов, прообразом которого был детектив Алан Пинкертон из Чикаго.

Другой американский город в романе Каменского — Нью-Йорк. Именно здесь происходит воображаемое проецирование на небо, как на экран, книги, которую одновременно могут читать миллионы жителей города. Именно с Нью-Йорком, а не Голливудом связан удачный дебют в кино возлюбленной Питча экзотической красавицы Ниа. С США в книге ассоциируется финансовое благополучие, успех и сила. Тем приметнее то обстоятельство, что Америка остается вне структурообразующей пространственной оси «север» (родина Хорта) — «юг» (тропические острова, Австралия). Писатель отмечал ключевую значимость топосов юга и севера в своем творчестве: «Я любил писать и думать на севере о юге, а на юге о севере»²¹. Хорт — уроженец севера, на север же он возвращается, исполнив свою миссию и найдя дочь, ожидать свершения предсказанного и неумолимого конца, постигая в то же время «счастье осени» и «непреложной связанности с землей», полноценно проживая каждую уходящую минуту. Воплощением юга — тепла и страстной молодой жизни является Нао-

---

²¹ Каменский В. В. Пусть энтузиаста. М.: Федерация, 1931. С.448.

ми, возлюбленная Хорта, покидающая ласковый юг ради севера и последних двух осеней с героем.

Америка в этом романе предстает в контексте массовых представлений об американском кинематографе, литературе, техническом прогрессе. Эта узнаваемость общих формул американского в русской культуре, с одной стороны, соответствовала читательским ожиданиям, предвкушавшим чтение увлекательных приключений, а с другой, указывала на иерархию ценностей в романе. Подлинным и безусловным местом обретения себя становится для Джойса именно север. Здесь постигается смысл жизни и приходит осознание завершенности, воплощенности жизненного пути героя.

Америка является не только значимым элементом художественного мира Каменского. В реальной жизни эта страна манила писателя. Каменский поддерживал долгие годы связь с Давидом Бурлюком, осевшим в США. Они обменивались книгами, звали друг друга к себе. Каменский страстно желал увидеть заокеанскую страну. Однако этого не случилось. Сюжет невстречи Бурлюка-эмигранта и Каменского заслуживает особого внимания исследователей. Доступные сегодня письма Бурлюка к Каменскому и Каменского к своему другу Б. И. Корнееву показывают, что американский вояж поэта обсуждался на протяжении нескольких лет (1926—1931). Из содержания писем Бурлюка к Каменскому следует, что последним двигали как творческие, так и вполне материальные причины отправиться в США²². Такая прагматика — часть еще футуристской стратегии литературной деятельности, которой Каменский и Бурлюк не изменили и в постреволюционное время. Не случайно в этих письмах подробно расписывается смета предполагаемого турне Каменского по Америке с выступлениями. Бурлюк пишет в 1929 г.: «Жить тебе здесь не стоит, но прокатиться следует. Лекциями расходы вернешь. А с какой суммой тебе выезжать надо с родины — тебе виднее. Ты ведь в Париж и Лондон ездил — так, следовательно,

---

²² Каменский В. В. «Мне пора быть с вами в Нью-Йорке»: письма к Николаю Евреину // Звезда. 1999. № 7. С. 165—184; Евдаев Н. Давид Бурлюк в Америке. Материалы к биографии. М.: Наука, 2002. — 338 с.

опытом умудрен. Через Атлантический океан можешь ехать и 3 классом (туристом) вполне прилично, особенно для нас, русских, видавших виды. По прибытии сюда (подчеркнуто автором. — АА, ЗА) у тебя должно быть долларов 200 или 150 на первые расходы до сбора, иначе придется попасть всецело в руки какого-нибудь предпринимателя или общества. Но, конечно, особенно радужных планов на русскую Америку строить не приходится, ибо все же здесь стихия английского языка. Русскому человеку, в общем, мало доступная — не только язык, но и мировоззрение тоже! Иное. Прокатиться же будет и забавно и поучительно»²³. Бурлюк, впрочем, еще в марте 1927 г. торопит Каменского с визитом, поскольку полагает, что его могут опередить другие писатели. По мнению поэта-эмигранта, их успех лекторов, рассказывающих о Советской России, может перебить успех Каменского, поскольку пропадет эффект новизны.

Приводя в пример турне по США Маяковского-лектора, Бурлюк формулирует несколько критериев успеха предполагаемой поездки Каменского: появление поэта в «сезон», то есть между 1 октября и 1 апреля, приличная одежда, энергичность и оборотистость, знание английского языка на приемлемом уровне. Последнее было очень значимо и для самого Бурлюка, испытывавшего все сложности интеграции в американское общество. Поэтому он неоднократно пишет об этом своему другу на Урал: «Да мой тебе совет: ты хотя немного изучай английский язык, а то кроме русской колонии — а она нельзя сказать чтобы была отрядным явлением — ты никуда не сможешь пройти. Каждый американец, он позабавится лицемерием тебя — и это все. По делу <у> них прежде всего язык, и вот я изучаю его и откровенно тебе скажу: знай я его, как французский или немецкий, с детства, <т>о моя бы карьера была уже далеко и я бы без поклонов чужим переводил <т>ебе деньги...»²⁴.

---

²³ Письмо Д. Бурлюка В. Каменскому. 05.05.1929 // РГАЛИ. Ф.1497. Оп. 2. Ед. хр. 33. Л. 6–7.

²⁴ Письмо Д. Бурлюка В. Каменскому. 01.03.1927 // РГАЛИ. Ф.1497. Оп. 2. Ед. хр. 33. Л. 14.

Еще в 1930-м г. Бурлюк ведет речь о приезде Каменского. Обсуждая в очередной раз возможности получения визы, Бурлюк передает свои впечатления от приезда в США Пильняка и пишет Каменскому: «Здесь приехал и катается на автомобиле Борис Пильняк. Я по газетному делу у «знаменитости» два раза делал с него рисунок для газеты. Живописью он не интересуется, мною тоже не заинтересовался. Его успехам в Америке воспрепятствовало незнание английского языка. Обязательно нужно знать язык, чтобы на многие тысячи долларов успеть среди американцев. Но сотни долларов он мог бы зарабатывать на лекциях русским рабочим. Пильняк лекций по-русски не читал.

Дорогой Васенька, тебе в Америку следует прокатиться. Приезжай сюда, я напишу с тебя портрет, это нетрудно тебе сделать (приезд). Пойди в Москве в Амторг, и тебе моментом все устроят. В Америку поедешь — имей в виду Амторг и больше ничего, никаких других путей нету... Амторг движением пальца устроит тебе визы, передаст тебя из одного отделения в другое: Париж Берлин Лондон»²⁵.

Возможный успех предполагаемого турне Каменского в США Бурлюк основывал на серии лекций об СССР («Ты много сказал бы такого большого, что наши хуторяне, обеспеченно живущие тут, поверили бы без упрямства»²⁶) и даже — при удачном стечении обстоятельств — успехе в кино. Обсуждался вариант постановки пьес Каменского на американской сцене. Бурлюк просил его прислать пьесы, обещал «устроить переводы» и к приезду Каменского в США поставить какую-либо из пьес на английском языке. Правда, доносился предупреждающий голос из Америки, очень революционно звучащий текст придется вырезать²⁷.

Для Бурлюка общение с Каменским, кроме продолжения радости многолетней дружбы, было способом установить

---

²⁵ Письмо Д. Бурлюка В. Каменскому. РГАЛИ. 09.07.1931 // Ф. 1497. Оп. 2. Ед. хр. 33. Л. 28 (об.)

²⁶ Письмо Д. Бурлюка В. Каменскому. РГАЛИ. 10.01.1929 // Ф. 1497. Оп. 2. Ед. хр. 33. Л. 18

²⁷ Письмо Д. Бурлюка В. Каменскому. РГАЛИ. 13.03.1926 // Ф. 1497. Оп. 2. Ед. хр. 33. Л. 13 (об.)

связь с потерянной родиной, вернуться в пространство русской культурной жизни. Именно это становится лейтмотивом в письмах Каменскому: поэт-эмигрант не устает повторять, что делает все возможное для пропагандирования искусства футуризма в США и очень надеется на отклик с Родины. Бурлюк восклицает в письме от 13 марта 1926 г.: «Вася, друг великий мой, поэт неизмеримый, знай что для тебя живу, для твоей славы тружусь, но и взамен необходим какой-то толчок иногда, где возможно, где нужно. За это письмо сел, чтобы установить связь»²⁸. Он просит Каменского присылать свои сочинения («Лето на Каменке», «Пугачев», «Стенька Разин» и «Путь энтузиазма» дошли до американского адресата), архив футуристов, любые материалы, связанные с деятельностью Маяковского. Позже, в 1934 г. Бурлюк предложит Каменскому присылать материалы для «Русского голоса». Однако это общение двух друзей-поэтов так и не выйдет за рамки эпистолярия. Поездка Каменского в США не состоялась. После долгих хлопот в 1928 г. он получил отказ из-за риска, по словам официальных лиц, невозвращения в Советский Союз²⁹. Америка осталась частью творческого мира поэта, так и не став фактом жизненного опыта Василия Каменского.

---

²⁸ Письмо Д. Бурлюка В. Каменскому. РГАЛИ. 13.03.1926 // Ф. 1497. Оп. 2. Ед. хр. 33. Л. 12 (об.)

²⁹ Письмо В. Каменского Б. Корнееву. 01.12.1928. // РГАЛИ. Ф. 2563. 1. 14. Л. 74